

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Джэки Эшенден
ЛЕКАРСТВО
ДЛЯ РАЗБИТОГО СЕРДЦА

354

Содлазнь

 HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Джеки Эшенден

Лекарство для разбитого сердца

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Эшенден Д.

Лекарство для разбитого сердца / Д. Эшенден —
«Центрполиграф», 2019 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09060-7

Несколько лет назад Энцо Кардинали, молодой итальянский миллиардер, пережил недолгий, но бурный роман с рыжеволосой красавицей Саммер. А теперь снова встретил ее, но уже замужнюю и с маленьким сыном на руках. Только оказалось, что ребенка она родила вовсе не от мужа, а от Энцо...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09060-7

© Эшенден Д., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джеки Эшенден

Лекарство для разбитого сердца

Demanding His Hidden Heir

© 2019 by Jackie Ashenden

«Лекарство для разбитого сердца»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Энцо Кардинали не относился к числу людей, которые обожают вечеринки, считая такое времяпрепровождение пустой тратой времени и предложением напиться до скотского состояния, чтобы потом вести себя самым отвратительным образом.

Уже час, как он стоял в углу шикарно обставленной гостиной с невыпитым стаканом виски и недовольно поглядывал на богато разодетую толпу гостей, которые смеялись, галдели и несли всякую чушь.

Энцо казалось, что устроенное Генри Сент-Джорджем светское мероприятие тянется целую вечность, и у него заканчивалось терпение. Да что там говорить, оно закончилось, стоило ему переступить порог этого дома.

Он не любил ждать, но, поскольку другие люди двигались намного медленнее, создавалось впечатление, что он только и делает, что ждет. Что постоянно выводило его из себя.

Младший брат Данте частенько говорил, что Энцо нужно научиться проявлять терпение, но тот не разделял его мнение. Он появился на свет не для того, чтобы угождать другим. Если они не успевают за ним, это их проблема. Конечно, в итоге это становилось проблемой самого Энцо, что не вызывало у него большого восторга.

Сначала он собирался отправить в Англию для заключения сделки Данте, но в последнюю минуту решил, что не сможет доверить такой важный вопрос своему слишком беспечному братцу. И вот он здесь, в гостях у Генри Сент-Джорджа в его обширном поместье в Котсуолде.

Хозяин дома, крупный промышленный магнат, тяготел к старосветским приемам, где заключал большинство своих сделок. Энцо пришлось мириться с таким положением дел, потому что Сент-Джордж ко всему владел островом неподалеку от побережья Неаполя, которым ему отчаянно хотелось завладеть.

Пока все складывалось хорошо, так как старик почти согласился продать остров. Правда, Энцо не мог понять, почему Генри тянет с окончательным ответом. Хотя необходимость вести себя мило и дружелюбно, что всегда давалось ему очень и очень нелегко, заботила его намного больше. Ведь он желал завершить сделку на этих выходных.

Энцо смотрел, как Генри склонил свою седую голову, внимая каждому слову женщины, которую держал под руку, и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Господи, это было невыносимо. Он ждал подходящего момента, чтобы припереть Сент-Джорджа к стене и озвучить свое финальное предложение, но того постоянно окружали люди.

Данте просил Энцо проявлять вежливость, но пусть его братец катится к черту со своими советами.

Энцо мечтал завладеть островом Изола-Сакра, потому что тот находился ближе всего к Монте-Санта-Марии, крошечному островному королевству в Адриатическом море, которое когда-то было его домом. До того, как их с Данте отец, будучи королем, решил узурпировать власть, но парламент решил, что с них достаточно монархии, провозгласил государство республикой и вежливо попросил королевскую семью убраться с острова. Навсегда.

Кардинали нашли себе место на материке, в Милане, но этот город так и не стал родным для Энцо. Ему исполнилось пятнадцать, когда их семейство выдворили из Монте-Санта-Марии, и с тех пор он чувствовал себя «человеком без корней».

Когда-то он был наследником королевства. А потом остался ни с чем.

И даже строительная компания, приносявшая ему многомиллиардные прибыли, не могла сравниться с тем, чего он лишился.

Энцо мечтал о доме. И поскольку вернуться в старый не представлялось возможности, он решил найти для себя новый, в другом месте.

Он снова нервно посмотрел в сторону Сент-Джорджа и решил, что, если тот через пару минут не закончит разговор со своей дамой, он подойдет к нему и озвучит свое предложение. И к черту вежливость.

Не имеющий гражданства пятнадцатилетний мальчик, который сидел, забившись в угол миланской квартирки, остался в прошлом. Теперь Энцо занимал должность генерального директора компании с офисами в больших городах по всему миру.

Пусть у него не было своего государства, но в том, что касалось бизнеса, он по-прежнему оставался королем.

Мысли Энцо прервала неожиданно открывшаяся дверь в другом конце комнаты, и он с удивлением посмотрел на просунувшуюся в щель голову маленького ребенка.

Странно, что малыша до сих пор не уложили спать, ведь время близилось к полуночи.

Когда мальчик, в синей пижамке и с взъерошенными волосиками, шагнул в комнату и неуверенно огляделся по сторонам, что-то в нем показалось Энцо до боли знакомым.

Наверное, это был сынишка хозяина дома, его поздний ребенок, ведь Сент-Джорджу перевалило за шестой десяток. Четыре года назад он женился на женщине почти в два раза моложе себя, и ее последовавшая так быстро после свадьбы беременность вызвала небольшую сенсацию в прессе.

Энцо никогда не интересовали сплетни, и он понять не мог, откуда помнит этот факт.

Мальчик сделал еще несколько шагов вперед, и Энцо заметил необычный золотистый цвет его глаз, как у только что отчеканенных монет, и весь напрягся. Ведь из всех, кого он знал, такие глаза были только у двух человек: у его отца и у него самого. Золотистый цвет глаз считался семейной чертой Кардинали, и в Монте-Санта-Марии он традиционно свидетельствовал о принадлежности к королевскому роду.

Такое совпадение показалось Энцо весьма неожиданным.

Тут дверь в комнату распахнулась чуть шире, и на пороге появилась какая-то женщина.

На ней не было шикарного вечернего платья от кутюр и украшений, как на остальных дамах, а простые джинсы и свободная темно-синяя футболка. Волосы незнакомки, цвета меди, словно полыхающее пламя на фоне сумеречного неба, были собраны в небрежный пучок на макушке.

Увидев ее, Энцо застыл словно пораженный громом.

Он представил эти волосы, лежащие мягкими волнами на его груди или струившиеся шелковистыми прядями между его пальцев, когда он притягивал ее к себе. Они были такими же красными, как ее жаркие губы, которые он целовал...

Затаив дыхание, он рассматривал ее высокий лоб, маленький решительный подбородок, острый носик и такие же острые скулы с россыпью веснушек. Веснушек, по поводу которых она так беспокоилась под жарким тропическим солнцем и которые подобно золотой пыльце рассыпались по ее пышной груди. Он перецеловал их все до единой...

Нет. Этого не может быть.

Женщина снова осмотрелась по сторонам, и неизбежно, как восход солнца, встретила взглядом с Энцо. И он с замиранием сердца заглянул в ее глаза цвета штормовых облаков и льда, которые ничем не выдавали страсть, бушевавшую у нее внутри.

Которой он наслаждался долгими часами.

Которую никогда не испытывал ни до, ни после встречи с ней.

Которая превратилась в холодный пепел в то утро, когда он проснулся и обнаружил, что она исчезла.

Четыре года назад, на одном из островов Карибского моря, на новом курорте, построенном его братом, он встретил девушку, которая вывернула его наизнанку, распалив в нем такую страсть, что он потерял способность мыслить трезво.

Которая помогла забыть, пусть всего на несколько дней, боль, теснившую его грудь на протяжении многих лет.

А потом исчезла даже не попрощавшись.

Глаза женщины округлились от изумления, и у Энцо не осталось никаких сомнений. Это была она. Та самая рыжеволосая, страстная красавица, с которой у него четыре года назад приключился двухдневный роман.

Он пытался забыть ее. Господи, он даже убедил себя, что у него получилось.

Но стоило ему посмотреть в эти большие серые глаза, как его тело тут же ожило, и он понял, что обманывал себя.

Он не забыл ни пожиравшей его страсти, ни того чувства, когда казалось, словно он пришел домой, стоило ему очутиться в ее объятиях.

Не забыл он и ярости, охватившей его два дня спустя, когда он проснулся один в своей кровати, на холодных простынях.

Что-то подобное творилось с ним и сейчас. Четыре года он думал о ней. Четыре года просыпался, сходя с ума от неутоленной страсти и желая получить то, что невозможно купить ни за какие деньги.

То, что могла дать только она одна.

Он не бросился на ее поиски, потому что был слишком горд и сказал себе, что на ней свет клином не сошелся, но это тоже был самообман.

И вот она здесь, на расстоянии нескольких лет и тысяч километров от их острова, стоит на пороге гостиной какого-то англичанина и смотрит на него так, словно переживает те же чувства, что и он.

Что она тут делает? И где была все эти годы?

Энцо машинально сделал шаг по направлению к ней, но тут появившийся в комнате ребенок обернулся и тоже увидел ее.

– Мамочка, – сказал он и, подбежав к ней, обнял ее за ногу.

Энцо застыл, переживая еще одно потрясение.

«Мамочка».

Женщина, Саммер – так она назвалась ему тогда, – положила ладонь на голову малыша, но при этом смотрела на Энцо. Словно была не в силах отвести взгляд.

Значит, этот мальчик был сыном хозяина дома, а она...

А она была женой Сент-Джорджа.

Казалось, его потрясению не будет предела.

Энцо старался убедить себя, что ему абсолютно все равно, кто она такая. В конце концов, столько лет прошло.

В любом случае он не хотел тогда ехать на курорт Данте. Он невзлюбил этот остров с первой секунды. Его насыщенный тропический воздух и лазурная морская гладь напоминали о земле, на которой он вырос, и о доме, который не смог забыть.

Энцо стоял в тени пальм, выслушивая жалобы управляющего отелем и потев в своем сшитом на заказ костюме и кожаных туфлях ручной работы, полных песка, как вдруг увидел ее. Белолицую красавицу с потрясающей фигурой в ярко-красном бикини, каким-то образом сочетавшимся с ее волосами цвета меди. Женщина направлялась к бассейну. На ее плечи было накинуто полотенце, а в руке она держала какую-то книжку. Проходя мимо Энцо, она глянула на него, и ее пухлые губы, словно созданные для греха, изогнулись в едва заметной улыбке. И у него перехватило дыхание.

Потому что люди никогда не смотрели ему в глаза – они слишком боялись его. А она не испугалась. Наоборот, в ее взгляде промелькнули веселые искорки, словно она видела в нем обычного мужчину, а не влиятельного и ни перед чем не останавливающегося главу международного концерна. И Энцо показалось, что его брюки стали ему малы на два размера.

Недолго думая, он прервал разговор с менеджером отеля и последовал за ней к бассейну. Она уже разместилась на шезлонге и, когда он подошел к ней, одарила его сдержанным взглядом поверх своей книги.

Только вскоре от ее сдержанности не осталось и следа.

Час спустя он уже был на ее вилле, и его костюм валялся на полу вместе с ее бикини.

Первый раз он овладел ею прямо у стены, быстро и грубо, настолько сильной оказалась пожирившая их обоих страсть. Саммер обвила его талию своими атласными бедрами и сдавленно ахнула, когда он погрузился в ее тугую плоть. Ее глаза потемнели, и в них не было страха, одно удивление. Словно она впервые в жизни встречала такого мужчину, как он. Ее реакция возбудила его еще больше. А потом ее удивление сменилось наслаждением, когда он начал двигаться, прижимая ее к стене и доводя их двоих до безумия...

Их роман длился ровно два дня. Два дня, на протяжении которых он исследовал каждый миллиметр ее тела, когда держал ее в своих руках и изливал перед ней душу так, как ни перед кем другим.

Тогда Энцо подумал, что, может быть, заблуждался, когда считал, что дом – это какое-то место. Возможно, домом может стать также и человек.

Пока она не уехала не попрощавшись.

Нет, не стоит ворошить прошлое. И не стоит обращать на нее внимание.

– Матильда? – Сент-Джордж наконец закончил разговор со своей собеседницей и озадаченно посмотрел на жену. – Что-то случилось?

И рыжеволосая – его Саммер – оторвала взгляд от Энцо и посмотрела на мужа.

– Н-нет, – ответила она бархатистым голосом, который становился хриловатым, когда Энцо заполнял ее собой всю без остатка. Или когда его рот находился между ее бедер. Или когда его ладони сминали ее грудь. – Саймон проснулся и встал с кровати. – Она наклонилась и подхватила ребенка на руки. – Наверное, забрел сюда по ошибке.

Значит, ее зовут Матильда. И она жена Сент-Джорджа.

Энцо неподвижно стоял и смотрел, как Генри подошел к ней и, склонившись над мальчиком, что-то прошептал ему. Малыш посмотрел на отца, а потом глянул через его плечо и на секунду встретился взглядом с Энцо.

И того вдруг осенило.

И он сжал свой стакан с такой силой, что треснуло стекло.

Этот мальчик был сыном не Генри Сент-Джорджа, а его собственным.

Матильда крепко прижимала Саймона к груди, пытаясь унять оглушающее биение своего сердца.

Она допустила ужасную ошибку.

Все выходные она старательно избегала встреч с Энцо, днем уходя с ребенком из дома на прогулку, а вечером поднимаясь наверх, подальше от гостей Генри.

Оставалось продержаться сегодняшний вечер, и можно поздравить себя с тем, как удачно все сложилось. Она уложила Саймона пораньше и сама тоже забралась в постель с мороженым и включила какой-то фильм.

Но ближе к полуночи ребенок проснулся и, видимо услышав шум, доносившийся из гостиной, не устоял перед искушением и спустился вниз, потому что обожал находиться в обществе других людей.

Матильда поспешила за сыном и, слишком обеспокоенная его поисками, не сразу заметила мужчину, стоявшего в противоположном углу комнаты. Она быстро осмотрелась по сторонам и сделала шаг вперед, как вдруг ощутила до боли знакомое волнение.

Поэтому она остановилась. И еще раз обвела взглядом гостиную. И тут увидела Энцо.

Как можно было не заметить его сразу, такого до невозможного высокого и широкоплечего! От него исходила та же неистовая, живая энергия, которую она до сих пор помнила, те же нетерпение, беспокойство и огонь.

Матильда окинула взглядом его короткостриженные черные волосы, аристократические скулы, длинный заостренный нос и чувственный рот, а потом заглянула в его глаза, обжигающие, как тропическое солнце. Она задрожала и почувствовала, как в ней разгорается давно погасшее пламя. Беспомощно Матильда глянула на него еще раз, чтобы убедиться, что это действительно он. Словно реакции ее тела оказалось недостаточно.

Но он смотрел не на нее. Его внимание было поглощено Саймоном.

Только бы он не заметил цвет глаз ее сына. Но нет... Он снова перевел взгляд на Матильду, и она ощутила, как на нее обрушивается волна его ярости.

Он все понял.

Матильда не слышала, что говорил Генри, думая о том, как побыстрее обратиться из гостиной, подальше от мужчины, который по-прежнему не сводил с нее глаз.

С которым она провела два головокружительных дня на Карибах.

От которого сбежала даже не попрощавшись.

Который и был отцом ее ребенка.

Не став дожидаться, когда Генри начнет знакомить ее со своими гостями, Матильда выскользнула с сыном из комнаты.

Вернувшись наверх, она уложила Саймона обратно в кровать и спела ему одну из его любимых колыбельных, поглаживала его по спинке, пока он не уснул.

Убедившись, что ребенок крепко спит, Матильда вышла из его спальни и тихо закрыла за собой дверь. Потом она прислонилась к стене в коридоре и, закрыв лицо руками, дала волю своим страхам.

Она видела список гостей и с деланным безразличием спросила Генри, зачем он пригласил какого-то итальянского миллиардера. Оказалось, что тот хотел купить остров, которым владел ее муж, или что-то в этом роде. Матильда толком не расслышала, потому что пыталась справиться с потрясением, которое пережила, узнав о приезде Энцо Кардинали. Миллиардера-застройщика и короля канувшего в небытие королевства. А также хладнокровного, безжалостного, целеустремленного бизнесмена, создавшего со своим братом небольшую строительную компанию и превратившего ее в огромный международный концерн, занимавшегося не только постройкой домов, но и гостиничным бизнесом, недвижимостью, обрабатывающей промышленностью и созданием высоких технологий.

Его имя хорошо знали в Fortune 500 – рейтинге крупнейших мировых компаний, в обществе, в котором вращался и ее муж. Журналисты называли Кардинали акулой бизнеса, хладнокровным хищником финансового мира, по крайней мере, в тех статьях, которые попадались на глаза Матильде.

Не то чтобы она прочитала много таких статей. Но ей хотелось быть в курсе его дел, чтобы знать, откуда ждать потенциальную угрозу. Правда, четыре года назад он не представлял собой никакой угрозы. И не был ни хладнокровным, ни безжалостным.

Он горел подобно солнцу, и она, абсолютно безоружная перед таким мужчиной, сгорала вместе с ним.

Матильда тихо застонала и медленно сползла по стенке, усевшись на дорожку турецкую дорожку на полу.

С чего она решила, что не возникнет никаких проблем? Как ей могло прийти в голову, что она запросто сможет избежать встречи с ним? Ну почему было не уехать с Саймоном на выходные к ее тете с дядей? Или отправиться в Лондон? Да куда угодно, лишь бы не оставаться дома?

Но теперь поздно укорять себя.

Энцо увидел ее. И, что еще хуже, он увидел Саймона и все понял.

Она не сумела бы скрыть цвет глаз своего сына. Такой непохожий на других. Такой уникальный. И такой красивый.

Энцо сказал, что золотисто-янтарный цвет глаз является их семейной чертой. Они тогда лежали на пляже в объятиях друг друга и смотрели на звезды, и он рассказывал ей об островном королевстве, наследником которого когда-то был.

Матильда, после долгих лет жизни с эмоционально сдержанными тетей и дядей, не смогла устоять перед его теплом. Ей казалось, что она шагнула в лето после долгой зимы.

Она поехала на остров, чтобы провести там свои последние каникулы перед помолвкой. Это был подарок от Генри, который прекрасно знал, что она не хотела выходить за него замуж, и пытался задобрить ее. Тогда она этого не понимала. Единственное, что она знала, так это то, что, если она не станет женой Генри, ее тетя с дядей лишатся своего красивого поместья в Девоншире.

Это было очень английское, почти средневековое соглашение.

После смерти родителей, когда Матильде исполнилось семь лет, ее забрали к себе бездетные тетя с дядей, и, хоть они были с ней по-своему добры, она вечно жила с чувством, что ее просто терпят. Что они были вынуждены принять ее в свой дом.

Поэтому она старалась быть полезной. Не доставлять хлопот. Ее дядя не любил, когда шумели и отвлекали его внимание, поэтому Матильда привыкла вести себя тихо и не высываться. Она не хотела, чтобы они избавились от нее или пожалели о том, что взяли ее к себе.

Ее родственники настолько привыкли к ее послушанию, что когда банк отказал им в займе, чтобы сделать ремонт в поместье, и вмешался друг их семьи Генри Сент-Джордж, предложив деньги взамен на женитьбу на Матильде, им и в голову не пришло, что она будет возражать.

И она не стала. Потому что они дали ей крышу над головой и пожертвовали годами своей жизни, воспитывая ее. Так что замужество было небольшой жертвой, которую она могла принести в знак благодарности за протянутую руку помощи.

Матильда не стала говорить, что ей не хотелось выходить за Генри, ровесника ее тети и дяди. Она не любила его, хоть он и был достаточно приятным человеком. Он сказал ей, что не нуждается в физической близости в браке, и все, что ему нужно, – это дружеское плечо, чтобы скрасить последующие годы его жизни. Правда, Матильда с недоверием отнеслась к его словам.

Поэтому когда Генри предложил ей отдых на Карибах перед их помолвкой, она решила не отказывать себе в удовольствии.

Именно там она и встретила Энцо.

Матильда никогда особо не обращала внимания на мужчин, предпочитая уделять время занятиям, сначала в школе, а потом в университете, но Энцо Кардинали настолько потряс ее своей внешностью и исходившей от него властностью и силой, что она не могла оторвать от него глаз.

И когда их взгляды встретились, у нее перехватило дыхание.

Переехав в дом к дяде и тете, Матильда вела замкнутый образ жизни, стараясь не сделать ни одного неверного шага. Но этот мужчина пробудил в ней ту часть ее натуры, которую она сковала льдом после смерти своих родителей.

Яростную, горячую, бунтовскую.

Энцо выглядел взбешенным, стоя там, под палящим солнцем в шикарном костюме-тройке и кожаных туфлях, и в его янтарных глазах Матильда увидела вызов. И ответила на него.

Она улыбнулась и изогнула бровь, ощущая восторг от собственной дерзости. словно она дразнила тигра в клетке, зная, что ее не съедят благодаря прутьям решетки. Матильда даже не предполагала, что он последует за ней, когда он вдруг появился у бассейна. Взгляды всех окружающих были направлены на него, но он смотрел на нее одну, не замечая никого вокруг.

И в ту же минуту хорошая девочка, которой она была со дня смерти своих родителей, исчезла без следа.

Как только они с Энцо оказались на ее вилле, он закрыл за собой дверь и жадно набросился на губы Матильды. Она была ошеломлена его поцелуем, потому что мастерство, с которым целовал ее Энцо, не шло ни в какое сравнение с робкими поцелуями, которыми она обменивалась с одним из своих одноклассников когда-то на танцах.

Энцо прижал ее к стене, и она не стала возражать, боясь выдать свою неопытность, потому что больше всего на свете ей не хотелось, чтобы он ушел.

Но он, кажется, ничего не заметил, кроме полыхавшей между ними страсти.

Энцо сорвал с нее бикини, не оставив ей времени для того, чтобы стесняться или нервничать. Или передумать. А потом обхватил своими огромными, теплыми ручищами ее обнаженную грудь, дразня ее соски своими большими пальцами...

Матильда до сих пор помнила, как тихо застонала, когда рука Энцо скользнула между ее бедер и он начал гладить своими пальцами ее увлажнившееся лоно, заставив ее дрожать и изгибаться от удовольствия.

Никто никогда не касался ее там, и она не могла поверить, что позволяет вытворять с собой такое мужчине, которого только что встретила. Наслаждение, которое она переживала, казалось ей запретным, но в то же время необыкновенно восхитительным...

Матильда резко выдохнула, прогоняя прочь эти воспоминания и стараясь не обращать внимания на слабую пульсацию между бедер.

Нет, нужно все забыть. Женщины, которой она была на том острове, больше не существовало, и она не хотела быть ею теперь, когда стала матерью и у нее появились обязательства.

Вернувшись в Англию, Матильда постаралась вернуться к привычному образу хорошей девочки. Она, как и обещала, вышла замуж за Генри и ушла в академический отпуск, чтобы иметь возможность заботиться о Саймоне.

О своей беременности она узнала через четыре месяца после свадьбы, но, к счастью, к тому времени успела убедиться, что Генри не обманывал, когда говорил, что ему достаточно дружеских отношений. Он отнесся к ней по-хорошему, вытер слезы, когда она призналась, что ждет ребенка, и решил спасти их обоих от скандала, заявив, что Саймон – его ребенок. Генри никогда не спрашивал имени настоящего отца мальчика, а у нее никогда не возникало желания называть его.

Он был хорошим отцом и добрым мужем.

Жаль только, что он пригласил Энцо Кардинали на этот глупый прием...

Матильда тяжело сглотнула и заметила, что тишина в коридоре вдруг стала какой-то напряженной, и ее бросило в дрожь.

Очень медленно она убрала руки от лица и увидела перед собой Энцо.

– Добрый вечер, миссис Сент-Джордж, – сказал он своим звучным голосом, в котором когда-то бушевало пламя, а теперь от него веяло ледяным холодом. – Думаю, нам с вами следует поговорить.

Глава 2

Потрясение Матильды и страх, промелькнувший в ее глазах, наполнили Энцо горечью, ведь когда-то в ее взгляде, обращенном на него, не было ничего, кроме обожания.

Но эта горечь быстро исчезла.

Прекрасно. Пусть боится. И даже очень.

Потому что он никогда в жизни не испытывал такой ярости.

Конечно, он никогда бы не причинил ей боль – он за всю свою жизнь не обидел ни одной женщины и не собирался делать этого теперь. Но он также определенно не собирался облегчать ее участь.

Он мог простить ее за то, что оказалась такой трусливой и ушла даже не попросившись. И за желание, которое по-прежнему бурлило в нем, словно раскаленная лава, несмотря на то что с момента их расставания прошло целых четыре года.

Но он ни за что не простит ей, что она не рассказала ему о сыне.

А Энцо не сомневался, что этот мальчик был его сыном.

Он смотрел, как она судорожно сглотнула и как бешено запульсировала жилка у основания ее шеи, совсем как тогда, когда он склонился, чтобы поцеловать ее...

– Поговорить? – сипло выдавила Матильда, стараясь не выдать волнения. – О чем?

Энцо усилием воли отвел взгляд от ее шеи.

Значит, она решила притворяться, что не знает, о чем пойдет речь? Что ж, напрасно.

– Саммер, я здесь не для того, чтобы играть с тобой в игры, – холодно бросил он. – Или мне следует называть тебя Матильда? Я пришел поговорить о моем сыне.

– Да, меня зовут именно так. Только не надо произносить мое имя таким зловещим тоном. А что до сына... – Она с вызовом вскинула подбородок. – Я не знаю, о чем ты говоришь.

Ее несговорчивость злила его и в то же время еще больше распаляла его страсть.

Энцо жадно смотрел на то, как тяжело вздымалась пышная грудь Матильды, и удивлялся тому, что его по-прежнему тянет к ней.

Только ему следовало усмирить свое тело и не забывать, что она отняла у него сына.

– Собираешься притворяться, что ничего не знаешь о ребенке, которого только что увела наверх? Чьи глаза такого же цвета, как у меня? – Он шагнул к ней еще ближе. – Может, ты ко всему сделаешь вид, что не знаешь и меня тоже?

– Конечно нет. Энцо Кардинали, я знаю, кто ты такой.

То, как она произнесла его имя, напомнило ему о времени, когда они были вместе.

Когда лежали на тахте, он сверху, а она под ним, обвив его талию своими ногами. Или на шезлонге рядом с частным бассейном, где он медленно изучал ее податливое тело.

Эта женщина вскружила ему голову, заставила поверить, что в нем было что-то хорошее.

Только для того, чтобы исчезнуть на следующий день и лишить его этой надежды.

Он отправился искать ее, сначала сходил к бассейну, потом в спортзал, а затем в ресторан. Но нигде не нашел ее. И только час спустя, вернувшись обратно на виллу, понял, что все ее вещи исчезли.

Она покинула остров.

Энцо не стал гнаться за ней. Она решила уехать, и он отпустил ее. В конце концов, он не испытывал нехватки интереса со стороны женщин.

Он ошибался, посчитав ее какой-то особенной, и постарался выбросить ее из головы.

Только теперь, оказавшись с ней лицом к лицу, понял, что так и не сумел забыть ее.

Ему вдруг захотелось прижать ее к стене, стянуть с нее джинсы, приподнять ее и погрузиться в ее жаркое лоно.

– Прекрасно, – стараясь держать себя в руках, буркнул Энцо. – В таком случае, если ты знаешь, кто я такой, потрудись объяснить, почему не сказала мне, что у меня есть сын.

– Еще раз повторяю, – побледнела Матильда. – Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Энцо с трудом сдерживался, чтобы не выплеснуть на нее свою ярость, ведь железное самообладание было единственным, что отличало его от жаждущего власти отца.

Эта женщина, эта красивая, соблазнительная, приводившая в бешенство женщина, не сказала ему, что у него есть сын, и более того, держала это в тайне четыре года.

Целых. Четыре. Года.

– Понятно. Значит, ты все-таки будешь притворяться, что не понимаешь, о чем идет речь.

Как удручающе предсказуемо с твоей стороны.

– Саймон – мой сын, – сжала руки в кулаки Матильда. – И сын Г-генри.

Ее взгляд был холодным словно зимний ливень, но небольшая запинка выдала ее с головой.

– Нет, – отрезал Энцо. – Генри тут ни при чем. Такие глаза встречаются только в роду Кардинали. А это значит, что он мой сын.

– Но я...

– Матильда, когда ты узнала об этом? Год назад? Два? – Он подошел еще ближе, заставив ее вжаться в стену. – Или сразу же, когда вернулась в Англию? С моим семенем в своей утробе? Вот почему ты вышла за него замуж? Ты боялась позора? Не хотела, чтобы мой сын считался незаконнорожденным? Ты решила, что из него получится лучший отец, чем из меня?

На ее лице промелькнуло выражение страха.

Теперь Энцо стоял так близко к ней, что ощущал тепло ее тела и слабый аромат жасмина. Тот самый сладкий запах. Он помнил, как он смешивался с мускусным ароматом ее страсти, мгновенно приводя его в возбуждение.

Боже правый, он возбуждал его прямо сейчас.

Энцо старался контролировать реакции своего тела так же, как и все остальные аспекты своей жизни. Он пока не планировал заводить детей. Сначала он хотел найти подходящий дом для себя, а потом уже обзавестись семьей.

Но теперь у него есть сын. Сын. Ребенок, который не подозревал о его существовании и не узнал бы, не появившись он на этой вечеринке.

Энцо оказался королем без королевства. Его лишили наследия, принадлежавшего ему по праву рождения. Мать уехала почти сразу же после того, как они покинули Монте-Санта-Марию, прихватив с собой Данте и оставив Энцо с его ожесточившимся, озлобленным отцом, который в упор не замечал его присутствия. Родители давно умерли, и, хоть он не оплакивал их потерю, они забрали с собой часть его истории. Того, что у него по-прежнему оставался брат и компания стоимостью в миллиард долларов, было недостаточно. Никогда.

Но теперь у него появился ребенок. И Энцо кипел от ярости из-за того, что она вообще рассматривала возможность так и не сказать ему о сыне.

– Отец Саймона – Генри. Больше мне нечего тебе сказать, – упрямо произнесла Матильда.

Энцо уперся ладонью в стену рядом с ее рыжеволосой головой и наклонился так близко к ней, что у нее не оставалось выбора, кроме как смотреть ему прямо в глаза.

– Дорогая, посмотри на меня. Посмотри на меня и скажи, что это не глаза твоего сына.

Когда она встретилась с ним взглядом, ее зрачки расширились, а дыхание стало учащенным.

Теперь она смотрела на него так, как во время их близости, когда крепко обхватывала его талию своими бедрами, словно жаждала получить то, что мог дать только он один.

Значит, ее сдержанность и холодность была напускной.

И не его одного обуревали эмоции.

Ему следовало отступить, но он не мог пошевелиться. Не мог отвести взгляд. Он испытывал удовлетворение, своеобразный мужской триумф. Даже после всех этих лет, даже став женой другого человека, она по-прежнему хотела его.

Ему стоило только чуть наклониться, чтобы завладеть этими умопомрачительными губами.

«Но она замужем. За другим, не за тобой».

Матильда вдруг часто захлопала ресницами, словно очнулась, и из ее глаз исчезла поволока.

– Мистер Кардинали, я буду настаивать на том, что вы...

– Остров. Вилла, – прервал ее Энцо, не в состоянии взять себя в руки. – Ты, обнаженная на тахте у окна. Ты, обнаженная на полу прямо за дверью. Я внутри тебя. Ну же, неужели ты забыла?

На ее щеках заиграл очаровательный румянец.

– Я не знаю, что...

– Помнишь, как я овладел тобой так жестко, что ты подумала, что мы сломали кровать? – В него словно дьявол вселился, который хотел надавить на нее или, может, просто наказать. – Но единственной испорченной вещью оказался презерватив. Я сказал тебе, что мы разберемся с этим утром. Но утром тебя и след простыл.

Матильда покраснела еще гуще и выглядела в точности так, как когда-то, находясь в его объятиях и сгорая от страсти, которая сжигала его самого.

Он понимал, что ему не следовало еще больше приближаться к ней, но он не удержался и уперся второй ладонью в стену по другую сторону от ее головы.

– Ты забеременела, – продолжил он, чувствуя, как ярость и страсть прожигают внутри его дыру. – И ничего не сказала мне. Ты даже не потрудилась отправить сообщение. Нет, ты подсуежилась и вышла за другого и позволила ему предъявить права на моего сына.

Ее грудь тяжело вздымалась. Если бы он приблизился к Матильде еще на пару миллиметров, ее соски коснулись бы его груди, и он поставил бы все свои деньги на то, что они набухнут от возбуждения. Энцо прекрасно помнил, какими они были чувствительными.

– Подойдешь еще ближе, и я закричу, – натянуто бросила она.

Он коротко рассмеялся в ответ. С какой легкостью можно было надавить на нее. Прильнуть губами к ее шее, ощутить вкус бешено пульсирующей жилки и проверить, станет ли она кричать, зовя на помощь или от наслаждения.

Только она не принадлежала ему. А он не настолько отчаялся.

– О, не стоит волноваться. Я и не думал об этом. Я только хотел, чтобы мы, как цивилизованные люди, обсудили вопрос касательно нашего сына. Но вижу, ты не в состоянии сделать это. Что, к сожалению, не оставляет мне выбора.

Он оттолкнулся от стены, обеспокоенный тем, насколько тяжелым оказалось отодвинуться от Матильды.

– Если ты и дальше будешь отрицать правду, мне придется настоять на проведении теста для установления отцовства. Как можно скорее.

– Я не позволю, – взвилась она. – Ты не можешь...

– Могу, – резко оборвал ее Энцо. – И сделаю.

– Но Генри... – Она запнулась, словно выдала себя.

– Что Генри? – Он сдержался, чтобы не потянуться к ней и не взять ее за этот решительный маленький подбородок, заставив ее посмотреть ему в глаза.

Матильда потупилась и потерла рукой лоб, словно у нее болела голова.

– Генри не знает, – тихо ответила она. – Он в курсе, что Саймон – не его сын. Но он не знает, что ты отец моего ребенка.

Энцо и так не сомневался, что является отцом Саймона, но когда он услышал признание из уст Матильды, его охватило чувство триумфа.

А еще ему захотелось коснуться ее прелестной шейки и поцеловать так, как целовал ее четыре года назад. И не только поцеловать.

Но она принадлежала другому. И сам Энцо за это время очень изменился.

Теперь он жаждал только одного – заполучить своего сына.

– Приятно говорить правду, не так ли? – стараясь не выдать своих чувств, бросил он. – Но скажи мне, Матильда, ты призналась бы, если бы не увидела меня внизу, в гостиной? Или ты оставалась бы такой же трусливой, как тогда, когда сбежала от меня в то утро?

* * *

У нее дрожали коленки, и, если бы не стена, она рухнула бы на пол у ног обутого в дорожные туфли Энцо Кардинали.

Он стоял так близко, что у нее перехватывало дыхание. И хоть в его голосе слышались стальные нотки, акцент, с которым он говорил, только усиливал ее волнение.

Господи, как же она любила его акцент. Благодаря ему, придуманное ею имя звучало экзотично, по-особенному, тогда как она была самой заурядной особой на свете. А взять то, как Энцо нашептывал ей ласковые словечки на итальянском, когда прикасался к ней, когда овладевал ею...

Матильда судорожно вдохнула, пытаясь унять охватившее ее желание, что давалось ей с огромным трудом.

Генри всегда говорил, что она может завести себе любовника, если хочет, главное, чтобы об этом не узнали в прессе. Он не желал лишать Матильду секса, но ее пугала страсть, поглотившая ее при встрече с Энцо, поэтому она боялась снова заходить на эту территорию.

Ей казалось, что она прекрасно обойдется без физической близости, но, снова встретившись с Энцо, поняла, что заблуждалась. Ей не хватало секса. Не хватало самого Энцо.

Только она не смогла бы заняться с ним любовью, когда в комнате за ее спиной мирно посапывал Саймон, а внизу, в гостиной, находился Генри.

Ей следовало выбросить эти мысли из головы и постараться не допустить еще одну ошибку. Хватит того, что она скрыла правду от Энцо. Испугавшись его гнева, она сделала вид, что не понимает, о чем он говорит. Ей очень хотелось объясниться с ним, но у нее возникло чувство, что он увидит в ее словах одни только оправдания.

Если честно, она боялась увидеть их сама.

Но сейчас главное – не допустить, чтобы он отобрал у нее сына. Пусть Матильда не отличалась храбростью, но Саймон был ее ребенком. Она потеряла родителей и лишилась родного дома, так что не собиралась терять что-то еще.

И если Энцо хотел услышать правду, так тому и быть.

– Генри сказал, что ему не обязательно знать, кто отец Саймона. Поэтому я не сказала. А что касается тебя... Я узнала о том, что беременна, только через четыре месяца после возвращения в Англию. И потом... у меня ушло некоторое время, чтобы вычислить, кто ты такой. Ты ведь не назвал мне свое полное имя.

– Дорогая, меня легко разыскать. Если, конечно, задаться такой целью.

– Я нашла тебя, – выдавила Матильда. – И позвонила. Но ты не ответил на мой звонок. Трубку взял кто-то другой. Когда я все объяснила, этот человек обозвал меня лгуньей и попросил больше никогда не беспокоить тебя.

– Какой еще человек? – сверкнул глазами Энцо. – И ты так просто отступила? Кто-то сказал тебе не звонить, и ты не стала?

– Я не знаю, кто это был, – огрызнулась она. – Он не представился. И я... я подумала, что, возможно, ты не вспомнишь меня. Что ты не захочешь, чтобы к тебе заявила какая-то неопытная рыжеволосая девица и заявила, что ты стал отцом.

Матильде становилось дурно при мысли, что при встрече Энцо мог не узнать ее или назвать обманщицей, как тот человек по телефону. Или и то и другое вместе. Особенно после того, как она впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему желанной.

– Рад, что ты с такой легкостью смогла прочесть мои мысли, – с сарказмом заметил Энцо. – Находясь на таком огромном расстоянии от меня.

– Прости, – густо покраснев, сдавленно прошептала она. – Знаю, мне следовало связаться с тобой. И мне нет никаких оправданий. Просто...

Чем больше времени проходило, тем тяжелее ей было набрать его номер.

Пока в конце концов она не решила, что будет лучше для них двоих, если оставить все, как есть.

«Ты такая же эгоистичная, как твои родители», – вспомнила она слова своего дяди, брошенные в сердцах после того, как она вскользь заметила, что не хотела бы выходить замуж за Генри.

Нет, она не была эгоистичной. Она от многого отказалась, чтобы выйти замуж. И она пошла на это ради них.

– Если думаешь, что извинений будет достаточно, ты очень сильно ошибаешься, – зло бросил Энцо. – Я могу простить тебя за то, что ушла не попрощавшись в то утро. Но я не прошу тебе, что ты лишила меня четырех лет общения с моим сыном.

В его прекрасных янтарных глазах не было ни капли жалости.

– Энцо, я не прошу о прощении, – собрав все свое мужество, ответила Матильда. – Но как бы там ни было, я...

– Хватит, – грубо оборвал ее попытки объясниться Энцо. – Что бы ты ни предлагала, твои слова ничего не стоят. Есть только одно, что я готов принять от тебя. И, Матильда, предупреждаю. Если ты не пойдешь на уступки, я не стану дожидаться твоего согласия и возьму это сам.

– Нет, – решительно заявила она, машинально закрыв спиной дверь комнаты Саймона и с вызовом глядя на Энцо. – Ты заберешь его только через мой труп.

В коридоре воцарилась напряженная тишина.

– Ребенок мой, – почти мягко ответил Энцо. – И я заберу его.

Затем, не став дожидаться ее ответа, он развернулся и быстро пошел по коридору по направлению к лестнице.

Глава 3

Энцо захлебывался от ярости.

Его взбесило, что Матильда встала у двери в комнату Саймона так, словно он мог причинить ребенку вред...

Сначала она призналась, что сделала всего одну попытку связаться с ним, а потом заявила, что больше не стала выходить на связь, потому что подумала, что он не вспомнит ее...

Как ей могло прийти в голову, что он забудет то, что случилось между ними. Что все эти моменты физической и душевной близости окажутся для него ничего не стоящими.

Скорее всего, она просто оправдывала свою трусость.

Одна эта мысль доводила его до белого каления, несмотря на то что, когда он шел вниз по коридору, его тело было напряжено от возбуждения.

Энцо казалось, что когда-то вспыхнувшая между ними страсть давно погасла, но он ошибся. Она была такой же, как четыре года назад. Может быть, даже сильнее.

Только желание заполучить своего сына было сильнее желания овладеть Матильдой. И он заберет ребенка. Но сначала, поскольку он находился в доме Сент-Джорджа и она была его женой, было бы справедливым объявить Генри о своих намерениях.

А еще решить вопрос с островом.

Если повезет, он сможет заполучить и сына, и место, которое они смогут назвать своим домом.

Не обращая внимания на тесноту в брюках, Энцо вернулся обратно в гостиную и направился напрямиком к хозяину дома.

– Кардинали, чем могу служить? – озадаченно спросил Сент-Джордж. – Что-то случилось?

– Мне нужно поговорить с вами, – потребовал Энцо. – Будьте так любезны.

– Конечно, – натянуто бросил Генри. – Пройдемте в библиотеку.

Англичане. Они так не любили разбираться с неприятностями на публике. А Сент-Джорджа, к сожалению, ждали очень большие неприятности.

Когда они вошли в библиотеку, Энцо в свойственной ему беспокойной манере направился к камину, а хозяин дома подошел к бару и достал бутылку бренди.

– Это ни к чему, – резко бросил Энцо, не расположенный к обмену любезностями. – Наш разговор не займет много времени.

– И о чем пойдет речь? – свел брови Сент-Джордж.

– О вашем сыне. Или, точнее, о моем сыне.

– Простите, но я не уверен, что понимаю вас, – озадаченно посмотрел на него Генри.

– Саймон – не ваш сын, а мой, – ответил Энцо и сунул руки в карманы, стараясь сдерживать эмоции.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

– Думаю, вам лучше объясниться, – потребовал Сент-Джордж.

– Я разговаривал с вашей женой, – холодно пояснил Энцо. – Она сказала, что вы знаете, что Саймон – не ваш сын и что она никогда не говорила вам, кто его настоящий отец. Что ж, я здесь, чтобы сказать вам, что я отец этого ребенка. Четыре года назад у нас с Матильдой была связь, пока она отдыхала на Карибах.

Генри ничего не сказал, а потом тяжело вздохнул и, отведя взгляд, щедро плеснул себе в стакан бренди.

– Вы уверены, что не хотите выпить? Кажется, в нашем разговоре без этого не обойтись.

– Нет. Я хочу только одного – получить своего сына.

– Долго же вы ехали за ним, – сделав приличный глоток, заметил Сент-Джордж.

– Простите?

– Ну, Саймону уже четыре года. Прошло много времени после того, как вы оставили мальчика...

– Я ничего не знал. Ваша милейшая жена не потрудилась сказать мне, что она забеременела.

И снова воцарилась тишина. На этот раз еще более гнетущая.

– Вот как, – пробормотал Генри. – Понятно.

– Я рад, что вы поняли. – Энцо сжал спрятанные в карманах руки в кулаки. – По правде говоря, я разговариваю с вами чисто из вежливости. Завтра я забираю своего сына с собой в Милан.

Сент-Джордж замер и открыл рот, чтобы что-то ответить, но в эту секунду дверь в библиотеку открылась и на пороге появилась Матильда. Ее глаза метали молнии.

Энцо не удивился, что она последовала за ним после того, как он сказал, что заберет Саймона. Наверняка пришла, чтобы помешать ему.

Что ж, пусть попробует.

Матильда глянула на мужа, а потом перевела взгляд на Энцо.

– Ты сказал ему, не так ли? – гневно сверкнув глазами, спросила она. – Ты сказал моему мужу, что...

– Кто-то должен был сделать это, – зло отрезал Энцо.

– Тебе не следовало вмешиваться.

– Я отец Саймона. – Он произнес эти слова с определенным удовольствием. – Так что я имею полное право вмешаться. И, кроме того, я здесь в гостях и проявляю вежливость, известив хозяина дома о том, что завтра утром я увезу Саймона с собой в Италию.

Она потрясенно посмотрела на него, а потом на ее лице отразилось что-то похожее на боль, ранившую его самого. Но он тут же взял себя в руки, решив, что она не заслуживает его снисхождения или сострадания.

Отец всегда твердил ему, что такие чувства, как отзывчивость, королю без надобности. Они делают мужчину слабым, опустошают его. Безжалостность, сила и хладнокровная решимость намного превосходят их.

Конечно, отца нельзя было назвать хорошим примером для подражания, если учесть, как его собственная безжалостность чуть не ввергла их государство в нищету и сделала несчастной его жену. Но когда жизнь вынуждает идти по тому же пути, следует прислушиваться к любым советам. Вот этот, например, помог Энцо превратить его компанию в одну из самых успешных в мире, и он не видел причин менять свой подход.

Даже ради того, чтобы не причинить боль этой женщине. Особенно ей...

– Нет, – вскинулась Матильда. – Ты не заберешь Саймона.

– По-твоему, нет? – Он глянул на нее сверху вниз, стараясь не обращать внимания на волнение, вызванное брошенным ею вызовом. – Ну, это мы еще посмотрим.

– Я не позволю.

Энцо не припоминал, чтобы она вела себя так решительно там, на острове. И сопротивление, которое она оказывала сейчас, казалось ему невероятно возбуждающим. Ему хотелось сразиться с ней, надавить на нее, чтобы увидеть, из чего она сделана на самом деле.

Теперь в ней проглядывалась сила, которой он не видел в ней раньше, и проблески железной решимости, такой же как у него самого.

Но, с другой стороны, она ведь защищала своего ребенка.

Энцо одобрил бы ее поведение, не будь он тем, от кого она защищала Саймона.

– Думаешь, сможешь остановить меня?

– Думаю, что отрывать ребенка от единственного дома, который у него когда-либо был, настоящее преступление. Так что, да, черт подери, я не дам тебе забрать его.

Ее слова больно ударили по его сердцу.

Он вспомнил, как в ту ночь охранники отца разбудили его, вытащили его и сонного Данте из кроватей и погрузили в лодку, которая доставила их из Монте-Санта-Марии на материк. У них не было времени собрать свои вещи, попрощаться с друзьями или местами, которые они любили. За двадцать минут его лишили дома и всего, что он когда-либо знал, а спустя два дня он оказался в небольшой квартирке в Милане. С отцом, кипевшим от ярости на своих «неблагодарных подданных», и хранившей молчание и бледной от переживаний матерью.

Неужели он смог бы поступить со своим собственным ребенком точно так же, как отец поступил с ним самим?

Ни за что.

Если только...

Энцо с улыбкой повернулся к Сент-Джорджу, который по-прежнему стоял со стаканом бренди и равнодушным выражением лица.

– Мои планы изменились, – посмотрев ему прямо в глаза, бросил он. – Я заберу своего сына. А также заберу вашу жену.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Матильде казалось, что невозможно испытать еще большее потрясение, чем то, которое она пережила. Оказалось, она очень ошибалась.

– Думаю, у моей жены другие мысли на этот счет, – приподняв свои седые брови, спокойно заявил Генри.

Но слова застряли у нее в горле.

Мало того что Энцо рассказал Генри, что он является отцом Саймона, так он ко всему собрался забрать ребенка.

Саймон любил Генри. И хоть он знал, что Генри не его отец – Матильда позаботилась о том, чтобы он знал правду, – они были дружны, и отрывать ребенка не только от нее, но и от Генри...

Она лишилась родителей в достаточно раннем возрасте и прекрасно знала, каково это – потерять единственных в мире людей, которым ты нужна. Которые любят тебя.

Матильда не представляла, как сможет находиться вдалеке от Саймона. И если ей придется бороться за сына, она пойдет на все, несмотря на то что ее приучили решать все вопросы мирно и не поднимать шумиху.

– Что значит – ты заберешь меня? – чужим голосом спросила она.

– Ты права, – повернулся к ней Энцо. – Я не могу оторвать ребенка от всего, что ему дорого и знакомо. Значит, мне придется взять это с собой. Я имею в виду тебя.

У нее пересохло во рту, как в пустыне Сахара.

– Ты сумасшедший.

– Нет. Я всего лишь жестокий. Дорогая, у меня отобрали слишком много всего, и с меня довольно. Мое остается моим, и это касается также Саймона.

– Только Матильда не ваша. – В тоне голоса Генри не было ни тени волнения.

– Что? – развернулся к нему Энцо. – Думаете, она нужна мне в качестве любовницы? Что я прикоснусь к чужой жене? – Он фыркнул с таким сарказмом, словно в жизни не слышал ничего более глупого. – Вы ошибаетесь. Мне необходимо лишь ее присутствие, месяц или два, пока Саймон не привыкнет к своему новому дому.

Его самоуверенность взбесила Матильду. Он говорил о ней так, словно она была какой-то вещью, которой можно распоряжаться по своему усмотрению. Но еще больше ее разъярил его намек на то, что после того, как Саймон освоится на новом месте, ее присутствие больше не понадобится.

– Я его мать, – ледяным тоном заявила она. – И буду ею всегда. Месяца или двух моего присутствия будет недостаточно.

– Тогда оставайся. Я не возражаю. Единственное, чего я требую, – это чтобы Саймон жил со мной. Ты можешь приходить и уходить, когда тебе заблагорассудится.

– То есть, по-твоему, я должна бросить свою жизнь в Англии и переехать... к тебе, где бы ты ни жил. Вот так просто.

– А почему нет? Ты решила не говорить мне о сыне. Вот так просто.

– Ты говоришь так, будто это решение далось мне легко.

– А разве нет? Проще простого решить не взять в руки телефон и сделать еще один звонок.

Матильда испытывала и стыд, и сожаление, и много чего другого, но она не понимала, почему ее ребенок должен страдать за все ее ошибки. И почему должен страдать также и Генри?

Она глянула на мужа, который снова наполнил свой стакан и посмотрел на нее с сочувствием.

– Тебе следовало сказать мне, Мэтти. Особенно если учесть, что я пригласил его сюда.

– Извини, Генри. – Матильда едва сдерживала слезы. – Знаю, мне следовало сказать. Просто...

Ее муж отличался чуткостью и пониманием. А еще добротой. Она не заслуживала его и понимала это.

– Итак? – Энцо вел себя так, словно в комнате были только они вдвоем. – Что ты скажешь? Полетишь со мной в Милан завтра утром или нет?

– Если ты забереешь Саймона, я вызову полицию, – предприняла последнюю отчаянную попытку Матильда.

– Нет, ты не сделаешь этого, – устало бросил Генри.

– Что значит – нет? – растерялась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.